

Художник Е. Станикова

что, проглотив эту наживку, не смогу вернуться в реальность.

Приближался день отъезда. В холле у стеклянной двери во двор висело расписание поездов. Я мог сесть на электричку, уехать и забыть, в какой из вселенных провел эту неделю. Но дотошность взяла верх.

Я сдал ключи, сделал вид, что изучаю расписание. Метнулся к стеклянной двери, рванул ручку...

— Лучше этого не делать, — привстала девушка на ресепшене.

Я шагнул за порог.

Вопреки опасениям, никто за мной не гнался — ни охрана, которой, к слову, не видел, ни сама дежурная. Обойдя дом с тыла, по асфальтированной дороге пошел к станции.

Нельзя сказать, что я был разочарован. Скорее — убедился в худших предположениях. Не было ни стоянки такси-автоматов, ни знакомого по старым годам деревянного вокзала. На месте платформы — крошка из мусора и бетонных блоков. Пути стали утоптанной тропой, по ней я и пошел в сторону Мытищ, держа курс на сотовую вышку, мигавшую красным глазом.

Вместо железной дороги — просека в лесу. В некоторых местах на прогалине бок о бок лежали ржавые рельсы. Глубокую яму заботливо перекрыли замшелыми шпалами, как мостиком. Над головой виселицами торчали опоры контактной сети. Я прошел километра четыре и увидел останки кассы на станции «Победа». Может, из-за густо-бордового цвета, в который выкрашен павильон, накатывало удивительно тоскливое чувство. Я заспешил, выбрался в скучный поселок и уперся в то самое шоссе, что запомнил по цветочным вазам. Конечно, никаких цветов не было. Как не было игрушечных уютных домиков, что мелькали в окне электрички.

Дальше пришлось продирааться через бурелом, а когда вышел на открытое место, поневоле отступил назад. Впереди на обломке шпалы, спиной ко мне, кто-то сидел.

Человек почуял взгляд и обернулся. Уфф. Витек.

— Не ври, что заблудился, — упредил бродяга, разминая о шпалу воблу. — Поезда не ходят с девятого седьмого, типа нерентабельная ветка. А красиво сделано, да? Ешкин, да я, как туда попадаю, аж асфальт потоптать боюсь.

— А кем это сделано и для чего?

Витек посмотрел как на полоумного.

— Ну ты спросил! Может, боги шутят, а может — параллельный мир. А я, как бывший программист, считаю — система! Везде могло быть так, как показали. Но не задалось...

— Зачем тогда показали? Разве я могу что-то изменить?

— А вдруг сможешь? Не, честно говоря, от тебя и не требуется. — Витек хитро глянул, закончил гнуть воблу, ловко разодрал ее и протянул самый вкусный кусочек со спинки. Я отказался, он пожал плечами. — Большинство не хочет ничего менять. Просто система показывает, как могло быть. Вот так. Или по-другому. Я ведь часто там бываю, и всегда все разное.

— А ты сам — зачем едешь?

— Ну дык... бесплатно водяру дают. Я вроде лакмусовой бумажки. Вот ты не побрезговал взять за руку бомжа — и прокатился на электричке.

Я оглянулся на пройденную дорогу и пообещал — себе и Витьку:

— Когда-нибудь я вернусь. По приметам. Я забыл в номере пакет с книжкой и сигаретами.

Витек усмехнулся, промолчал. Я достал кошелек, выгреб что было, оставив только на билет. Положил на шпалу перед Витьком и молча зашагал к Мытищам, на вокзал. Потом что-то торкнуло, и я вернулся. Витек все так же очумело сидел с раскрытым ртом. Я протянул руку. Витек, наверное, решил, что я вернулся за деньгами, и в глазах его засветилось нехорошее.

— Дай пять!

— А, это... — Он выкинул загорелую руку и щербато улыбнулся.

Через три дня в дверь позвонили. Незнакомый мужчина назвался почтальоном и протянул синюю посылку. В ней были мои забытые вещи. От них почему-то пахло корицей. Ничего не пропало.

Электричка на Пирогово

Татьяна Левченко

НАНОФАНТАСТИКА

На автобус я опоздал. С моста увидел, как он отчаливает от «летающей тарелки» — круглого автовокзала. Теперь только такси. И тут подали электричку с ярким табло «Пирогово». То, что надо! Через ступеньку, чуть не кувыраясь, бросился вниз. Минуты не хватило. Шипя, двери сошлись, поезд тронулся и начал ускоряться.

— Давай руку! — Патлатый бомж тянул засмаженную до черноты пятерню с подковками грязи под ногтями. Двери он расклинил ногой.

Я раздумывал, пока не поравнялся с дверью. А потом вцепился в эту заскоружную руку, и мужик мигом втянул меня внутрь.

— Витек, — представился он.

— Спасибо, друг. — Я кивнул и, не желая продолжать знакомство, миновал тамбур.

Навстречу поднялась улыбочивая женщина-кондуктор. Я купил билет, огляделся. Странный вагон. Пахнет корицей. Стука колес почти не слышно, сверху льется теплый неяркий свет. За высокими креслами видны одни макушки. В спинке передо мной — монитор с наушниками. Но я уставился в окно. В этих местах не был с юности и теперь с интересом рассматривал картины за окном, хотя начинало темнеть. Мы ехали вдоль аккуратных маленьких домов, по-европейски ухоженных, с низкими заборами. Потом пересекли шоссе. Я заметил, что вместо рекламы на столбах висят вазы с цветами.

В Пирогово я понял, что не помню дороги к Тихой Бухте. Мою растерянность заметил полицейский. Я напрягся, вспоминая, в каком кармане паспорт. Сержант подошел, козырнул — и спросил, чем помочь. Мне нужна была база «Бухта Счастья». Сержант нажал кнопку рации, подкатило такси. За рулем никого не было. И руля тоже.

— Бухта Счастья, — скомандовал сержант в рацию, и я плюхнулся на мягкое сиденье, кинул рюкзак со снастями. Даже не сразу понял, что такси взмыло в воздух. Через минуту показалась Тихая Бухта.

Дальше — рыбалка, рыбалка и рыбалка. Я приходил вечером в номер, включал фоном радио, шел в душ, ужинать и спать. Я давно понял, что все не так. Это был другой мир. И самое страшное — я не хотел узнавать, как он устроен. Мне вполне хватало, что в нем не берут чаевых, еда дешевая и вкусная, а горничные не хамят. Из чего это вытекало, думать не хотел. Честно говоря, боялся,

